

А. С. ФЕЛЬДМАН. ЧЕХОВ НА САХАЛИНЕ

Публикация Н. И. Фитович

Воспоминания «Чехов на Сахалине», напечатанные в херсонской газете «Юг», 1904, № 1817, от 14 июля, являются единственными относящимися к периоду пребывания писателя на о. Сахалине. Записаны сотрудником газеты «Юг» де-Линь со слов бывшего сахалинского служащего Алексея Степановича Фельдмана, который в 1891 г. уехал с Сахалина и поселился в Херсоне.

Воспоминания относятся к моменту пребывания Чехова в Дуэ (на Северном Сахалине), где он посетил Дуйскую и Воеводскую тюрьмы, зрителем которых был в то время А. С. Фельдман. Оценка состояния этих тюрем, данная в «Острове Сахалине», свидетельствует, что Чехов был о Фельдмане весьма нелестного мнения.

О деятельности Фельдмана впоследствии неодобрительно отозвался в своих фельетонах и В. М. Дорошевич, также побывавший на Сахалине. Фельдман обвинил Дорошевича в клевете. В 1898 г. по этому делу в качестве свидетеля привлекался Чехов (это видно из сохранившейся в ЛБ повестки с вызовом на допрос к судебному следователю по Ялтинскому уезду). См. также в настоящем томе телеграмму Чехова Дорошевичу от 30 апреля 1900 г. и примечания к ней.

О писательской деятельности Чехова на Сахалине до сих пор ничего не было известно. В той же газете «Юг», 1904, № 1811, от 7 июля была напечатана заметка, вероятно, со слов А. С. Фельдмана или его сына С. А. Фельдмана, бывшего в 1889—1890 гг. секретарем Корсаковского окружного полицейского управления. (По приезде на Южный Сахалин в Корсаковск Чехов жил на квартире у С. А. Фельдмана — см. X, 151, 152, 191.) В заметке сообщалось, что Чехов, будучи на Сахалине, написал рассказ из жизни беглых и трехактную комедию, озаглавленную «Генерал Кокет», в которой вывел одно видное служившее некогда на Сахалине лицо. В заметке сказано, что пьесу эту Чехов читал своим сахалинским знакомым, а в 1892 г. писал одному из них, что она совершенно готова, но что издание ее сопряжено с некоторыми трудностями. Написать об этом Чехов мог Д. А. Булгаревичу или С. А. Фельдману, с которыми он в 1892 г. переписывался.

Других прямых данных о написании Чеховым этой пьесы не имеется, но в письме Е. П. Егорову от 26 января 1892 г. Чехов писал: «Увы! Пьеса моя поставлена не будет» (XV, 313). О какой пьесе шла речь, не установлено. В 1893 г. слухи о том, что Чехов написал пьесу из сибирской жизни, проникли в печать. На одном из писем к Чехову Л. Я. Гуревич наклеена газетная вырезка: «Известный беллетрист Антон Чехов только что кончил новую комедию, героем которой является один из сосланных в Сибирь известных петербургских дельцов». Из какой газеты сделана вырезка — не установлено.

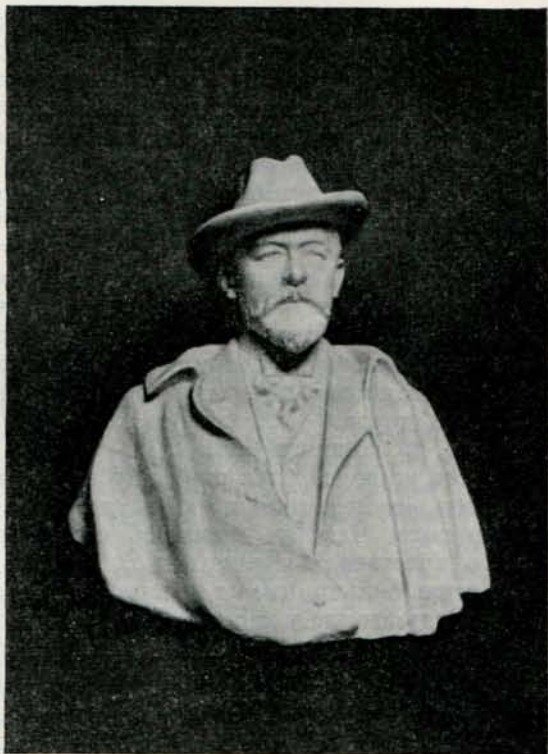
Д. А. Булгаревич в письме к Чехову от 5 июня 1891 г. называет начальника острова Сахалина генерала В. О. Кононовича — «коккет»: «По получении кредита 4000 р. на содержание школ наш коккет на чужом более удобным возложить заведение на каждого в своем округе начальника». Так же назвал Кононовича в одном из писем к Чехову и С. А. Фельдман.

ЧЕХОВ

Бюст работы Н. Шлейфера, установленный в 1908 г. в Баденвейлере

Фотография с подписью скульптора

Литературный музей, Москва

Один из членов сахалинской администрации, ныне проживающий в Херсоне, поделился со мной своими воспоминаниями о Чехове.

Воспоминания эти не лишены некоторого интереса.

— Живю помню мою первую встречу с Чеховым, — говорил мой собеседник. — Было серенькое, осеннее холодное утро. Возвращаясь из тюрьмы, я встретил нашего тюремного доктора, шедшего с каким-то незнакомым мне молодым человеком.

— А мы только что были у вас! — еще издали крикнул мне доктор. — Вот рекомендую: Чехов, Антон Павлович. Приехал ревизовать вашу тюрьму.

Доктор весело захохотал, а Чехов, протягивая мне руку, смущенно бормотал:

— Уж и ревизовать!..

Мне, помню, сразу понравилось лицо Чехова: славное, открытое, студенческое молодое лицо. Глаза умные, мягкие, ласковые и чуть-чуть грустные.

— Мне хочется осмотреть вашу тюрьму. Можно?.. У меня имеется разрешение начальника острова, — поспешно добавил он, заметив мою нерешительность.

В тюрьме Чехов подолгу беседовал с каторжниками. Он сумел расположить их к себе, и они относились к нему на редкость доверчиво. Мы диву давались. Каторжане в большинстве хитры, подозрительны и лживы. Случайным посетителям тюрьмы они рассказывают самые невероятные истории, обнаруживая при этом редкую изобретательность, но с Чеховым они беседовали необычайно просто и правдиво.

— Душевный человек, их высокородие Антон Павлыч, — говорили арестанты.

Был у нас в тюрьме бессрочнокаторжный Кириан Блоха¹. Угрюмый, необщительный, жестокий и хитрый, но даже он в разговоре с Чеховым изменялся до неузнаваемости, и тогда в его интонациях слышались такие нотки, каких мы и не предполагали в этом человеке-звере.

Когда каторжники уходили на работы, Чехов переносил свои наблюдения на детей каторжан и поселенцев.

Чехов любил детей какой-то особенной, трогательной любовью. Он обладал исключительным умением постигать их психологию и говорить с ними.

И дети с большой охотой шли к «дяде Павлычу». В его присутствии они играли в свою обычную игру «в бродяги». Игра эта состоит в том, что дети, подражая бродягам, делают сначала приготовления к побегу. Запасаются спичками, сухарями, солью, водой и оружием. Когда все приготовления закончены, дети разбиваются на две партии: одна изображает бродяг, а другая — береговую стражу и гиляков. «Стража» нападает на «бродяг», и закипает бой...

Чехов живо передал эту игру в одном из сахалинских очерков, к сожалению, не изданном по «независящим обстоятельствам»².

Однажды Чехову пришлось присутствовать при наказании розгами одного арестанта³. Впечатление, произведенное этой сценой на Чехова, было столь сильно, что он долго не мог вспомнить о ней без дрожи в голосе.

— Ведь это же ужасно, поймите, — говорил он с тоской и нервно ломал руки, хрустя пальцами. — Когда розга со свистом впилась в тело наказуемого, во мне что-то оборвалось и застонало тысячью голосов... — рассказывал он тюремному доктору.

Весьельчак-доктор смеялся и отвечал:

— Пустяки, collega... Поживете — попривыкнете...

Вечером того же дня Чехов описал сцену наказания. Увы, и этот очерк постигла участь многих сахалинских рассказов...

В квартире доктора, где жил и Чехов, часто собирались по вечерам сахалинские служащие и их семьи.

Когда Чехов бывал «в ударе», он читал этой немногочисленной аудитории юморески из жизни сахалинских чиновников. Эти юморески не предназначались для печати. И тут же, по прочтении, они безжалостно уничтожались.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ О каторжном Блохе Чехов упоминает в книге «Остров Сахалин», гл. XXII.

² В главе XVII «Острова Сахалина», в которой Чехов написал о положении детей на Сахалине, имеется несколько строк и об играх сахалинских детей: «Играют они в солдаты и в арестанты. Мальчик, выйдя на улицу, кричит своим товарищам: „равняйся!“ „оставить!“ Или же он кладет в мешок свои игрушки и кусок хлеба и говорит матери: „Я иду бродяжить“. — „Гляди-кось, часом солдат подстрелит“, — шутит мать; он идет на улицу и бродяжит там, а товарищи, изображающие солдат, ловят его. Сахалинские дети говорят о бродягах, розгах, плетях, знают, что такое палач, кандальные, сожигатель».

³ О присутствии (вместе с доктором и смотрителем тюрьмы) при наказании плетью арестанта в посту Дуэ, 13 августа 1890 г., Чехов вспоминает в гл. XXI «Острова Сахалина».